

О.Я. ПАЛКЕВИЧ
(Иркутск)

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ КАК
КОГНИТИВНЫЙ ПРИЗНАК
КАТЕГОРИИ ТРАГИЧЕСКОГО
(на материале немецкого
и русского языков)**

Трагическое как полипрофильная когнитивная структура, единица ментального лексикона «Память», является, наряду с комическим и абсурдом, элементом самоорганизующейся системы – парадокса. Поведение такой системы может быть описано при помощи динамических неустойчивых переменных – параметров порядка. Одной из переменных характеристик трагического является дополнительность (к обыденному сознанию, культуре, языку), что находит выражение в закреплённых когнитивных образцах, социальных и языковых практиках.

Ключевые слова: трагическое, категория, параметр порядка, дополнительность, языковые средства.

Настоящая статья посвящена анализу трагического по материалам немецкоязычных и русскоязычных СМИ. Трагическое мы определяем как укрупнённую семантическую категорию, многоуровневое концептуальное пространство, модус бытия человека, связанный с выражением комплексного эмоционально-оценочного смысла широкой (стереоскопической) семантики и предназначенный для приспособления человека к окружающей социальной среде, выживания в ней. Единство и темпоральную устойчивость данному пространству придают ряд широкозначных семантических признаков, объективирующихся на разных уровнях исследования, обобщения и воплощения. В рамках настоящего исследования мы рассматриваем данные признаки как параметры порядка. Параметр порядка представляет собой неустойчивую переменную, которая определяет поведение всей самоорганизующейся системы. С определением пара-

метров порядка описывается поведение всей системы [5].

Самоорганизующуюся систему, с нашей точки зрения, представляют собой три укрупнённые семантические категории с общим (парадоксальным) основанием – комическое, трагическое и абсурд. Семантическое поведение данной системы описывается такими параметрами порядка, как парадоксальность, многомерность, амбивалентность, кросстемпоральность и дополнительность, которые в разное время были предметом обсуждения в наших публикациях. В данном материале речь пойдет о дополнительности трагического к официальному сознанию, культуре, языку. Дополнительность трагического к официальному сознанию проявляется в том, что трагическое как неотъемлемый модус бытия человека, так же, как и комическое, редко выходит на первый план жизни обычного человека и общества. Оно проявляется как некая дополнительная информация, как неоднородность Бытия. Остановимся подробнее на понятиях информации и неоднородности.

Информация – это любые неоднородности материи. Материя представляет собой субстанцию, которая может вызывать ощущение (осознание) у потенциального наблюдателя и иметь массу (покоя или движения). Неоднородность – это количественная и качественная различимость состояния субстанции средствами потенциального наблюдателя, в том числе и средствами разума. Если объекты не различимы средствами наблюдателя, то из этого нельзя делать вывод об их идентичности. Просто различия (информация) недоступны наблюдению. Абсолютно однородная среда (гипотетическая) не содержит информации. Человеческое сознание из информационной бездны выделяет умопостижимые объекты и явления. Выделение – это процесс ограничения разнообразия, в ходе которого отсеивается избыточная информация и остается то, что мы называем моделью (образом) объекта [4].

Итак, трагическое представляет собой неоднородность Бытия, развитие событий, отличающееся от обыденного хода жизни, влекущее за собой печальные и непоправимые последствия и вызывающее сильную эмоцио-

нальную реакцию человека. Именно в определении «неоднородность» состоит дополнительность трагического. Когда оно утрачивает признак различимости и сливается со средой (вплетается в обыденный ход жизни), оно утрачивает статус информации. Во времена общественных катаклизмов, таких как войны, трагическое действительно становится обыденностью и перестает потрясать человека. Но в мирное время выход трагического за пределы дополнительности является средством манипуляции индивидуальным и общественным сознанием.

Дополнительность трагического к официальной культуре проявляется в виде специализированных ритуалов, связанных с почтением к памяти умерших родных и близких (в жизни индивида), а также павших в войнах и погибших в результате террористических актов (в жизни общества). Данные ритуалы представляют собой последовательность действий (языковых и неязыковых), не совершающихся в обыденной жизни. Одним из аспектов данных ритуалов является поминальная трапеза по усопшим. Приведем, однако, один пример, иллюстрирующий отсутствие кеннингов между категориями комического и трагического, даже в их знаково-ритуальном воплощении:

Хоронили мы Людмилу Наумовну (Давидович. – О.П.) в апреле восемьдесят седьмого. И тут нечто очень значимое произошло, как бы положившее последний штрих на эту завершившуюся жизнь. С похорон вернулись в ее опустевшую квартиру человек двадцать. Стол накрыли мы мгновенно, хмуро выпили по первой за упокой и тут же повторили (холод на дворе стоял собачий), закурили, кто-то вспомнил что-то сказанное ею... – и началось! Мы первые, наверно, полчаса как-то стеснялись, так поминки никогда не проходили, только мы уже остановиться не могли. Часа четыре, как не больше, нескончаемый стоял в комнате хохот. И каждый что-то вспоминал, словно она в своих историях не повторялась, всем рассказывая разное и по-иному.

Если о мечте какой-нибудь уместно говорить всерьез и вслух, то я мечтаю, чтобы на моих поминках было так же (И. Губерман).

Социокультурная практика рассказывания забавных историй, называемая также «травить анекдоты», является скорее знакомым знакомым воплощением комического. Однако она оказалась уместной даже на поминках – в практике трагического, что и свидетельствует о непрерывности и диффузности семиотического пространства. Дополнительность трагического к официальному языку выражена в меньшей степени, чем языковая креативность комического и абсурда. В текстах с трагической доминантой используются главным образом номинативные средства, обозначающие разные виды трагических происшествий и событий. Не претендуя на исчерпывающую полноту описания, проведем обзор таких средств в современных немецком и русском языках. На рисунке представлены основные концепты, организующие категорию трагического в современных немецком и русском языковых сознаниях, выявленные по результатам анализа публикаций о трагических событиях и происшествиях в немецких и русских СМИ в 2004 – 2008 гг.

Проведенный анализ нейтральных номинативных единиц, обозначающих трагические события, происшествия, их организаторов и участников, показывает, что существуют определенные сквозные лексемы, стягивающие семантическое пространство трагического и обеспечивающие его непрерывность. В таблице приведены лексические единицы, или, в терминах В. Г. Костомарова [2], информемы (см. с. 45).

На основании таблицы можно сделать вывод, что современные российские и немецкие СМИ создают устойчивый образ трагического. Данный образ представляет собой фрейм со множеством узлов и связей между ними и включает в себя такие элементы, как происшествия, события, участники. Языковая онтология трагического включает в себя стилистически нейтральные языковые единицы – информемы, регулярно употребляющиеся для номинации узлов и дуг данного фрейма. Помимо системных языковых средств, языковая онтология трагического охватывает и средства несистемной организации, т.е. кроме лексических единиц, несущих главным образом ин-

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Происшествие		Организаторы	
Гиперонимы	Гипонимы	Гиперонимы	Гипонимы
Беда, страшные события, трагедия, инцидент, происшествие, преступление, das Drama, das Unglück, die Katastrophe	Террористический акт (синонимы: нападение, обстрел), авиакатастрофа, die Geiselnahme (синоним: Überfall auf die Schule), der Anschlag, der Attentat, die Bombenserie, Erdbeben (синоним: das Beben), der Hurrikan (синоним: der Sturm), der Absturz, der GAU (синонимы: die Umweltkatastrophe, die Atomkatastrophe)	Бандиты, террористы-смертники, Terrorismus, Terroristen, Extremisten	Geiselnnehmer (синоним: Kidnapper), moslemische Extremisten-Organisation al-Qaida, die Schergen, tschetschenische Separatisten (синонимы: Rebellen, Kämpfer, Streitkräfte der kaukasischen Front)

формацию, языковое поле трагического включает в себя языковые единицы, несущие определенный эмоционально-оценочный заряд, или экспрессемы. По критерию стилистической значимости большинство из них являются стертыми либо узуальными, давно вошедшими в обиход.

Так, средствами образного описания трагического происшествия являются клише – устоявшиеся словосочетания и выражения, часто употребляющиеся в аналогичных контекстах. Речь идет о коммуникативных фрагментах – «целостных отрезках речи, которые говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и которые он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [1, с. 118]. Рассмотрим коммуникативные фрагменты, использованные для описания авиакатастрофы в Иркутске летом 2006 г. Про пассажиров бизнес-класса, в наибольшей степени пострадавших от столкновения и пожара, пишут, что они *первыми приняли на себя удар* (РГ, 10.07.2006). Стюардессу, спасшую жизни 20 пассажиров, журналисты называют *героем дня*, ее поступок характеризуют как подвиг, сообщая, что *в жизни всегда есть место подвигу* (РГ, 11.07.2006). В немецкой прессе встречаются также устоявшиеся, стертые метафоры: *ums Leben kommen* (<http://www.lycos.de>), *in Irkutsk liegt einiges im Argen, das Leben lassen* (<http://www.tagesschau.de>). По всей видимости, критерием отбора именно данных фрагментов из общего массива языковых средств является их коммуникативная направленность: прочная ассоциативная связь с определенными ситуациями, темами, эмоциональными обертонами [1, с. 204].

Однако в текстах с трагической доминантой встречаются и окказиональные образные средства. Это подтверждает нашу мысль о том, что категории трагического, как и другим проекциям парадокса, свойственна языковая дополнительность. Так, для номинации людей, подозреваемых в организации разветвленной сети террористических организаций,

журналист использует новообразование *Top-Terrorist*, лексему, созданную по образцу *Topmodel, Topmanager, Topstar: Innerhalb dieses Gefüges der neuen al-Qaida haben einige Top-Terroristen wie Abu Mussab al-Sarkawi besondere Prioritäten entwickelt* (Der Spiegel ONLINE, 25.04.2006). Однако данная лексема недолго обладала статусом окказионального языкового средства; в том же (2006-м) году она была признана одним из Слов года.

Несколько неожиданным, но, тем не менее, оправданным является использование аллюзий в текстах, описывающих трагические события. Как мы выявили ранее, аллюзии являются типичным средством выражения иронии адресанта, поскольку обладают структурным и семантическим сходством с параметрами иронического смысла. Высыказывание А аллюзивно отсылает адресата к популярной эстрадной песенке в исполнении В. Преснякова-младшего. Однако этот заголовок не вызывает ассоциаций, заложенных в тексте песни (стюардесса – красивая кокетливая девушка), а благодаря связи с самим текстом наполняет образ стюардессы иным содержанием: это опасная профессия, которой занимаются мужественные и самоотверженные люди, готовые рисковать своей жизнью для спасения других: А. *Стюардесса по имени Вика*

Виктория Зильберштейн стала в Иркутске героем дня. Она доказала всем, что в этой жизни есть место подвигу. 22-летняя стюардесса была, пожалуй, единственной, кто сумел не потерять самообладания, в дыму и панике добраться до люка над крылом, через который и выбралась наружу большая часть спасенных пассажиров (РГ, 11.07.2006).

Языковое творчество журналистов, описывающих трагические события, также реализуется в форме метафор-предложений: **Б.** *Рано «жать на тормоза»*; **В.** *Воздушные гавани расширяют фарватер* (Нов. изв., 11.07.2006). В данном случае, поскольку оба примера являются подзаголовками статьи, использование метафор-предложений должно удерживать инте-

рес потенциального адресата и побудить его к дальнейшему чтению. Тогда адресат сможет узнать, что высказывание **Б** отсылает его к реальному денотату «Рано делать выводы и ограничиваться версией неисправности тормозной системы самолета», а реальным денотатом высказывания **В** является информация о том, что некоторые аэропорты России модернизируют взлетно-посадочные полосы.

Другие семасиологические метафоры, обнаруженные нами в текстах с трагической доминантой, характеризуют оружие, использованное боевиками при захвате школы в Беслане, и его смертельную эффективность. В определенной ситуации они готовятся взорвать эти адские машины, и тогда *с потолка обрушится вниз смертельный железный ливень прямо на головы детей и женщин* (РГ, 03.09.2004). Немецкие журналисты также используют данный тип экспрессивных номинативных средств: *New Orleans bereitet sich auf «Katrina» vor, und zahllose Urlauber sind in der Stadt gestrandet: Flüge oder Mietwagen gibt es nicht mehr* (Der Spiegel ONLINE, 28.08.2005). Приведенная метафора основана на игре слов: *der Strand* (пляж) / *stranden* (потерпеть кораблекрушение).

Таким образом, языковая дополнительность трагического проявляется в использовании арсенала стилистических средств, различающихся по критериям экспрессивной окрашенности и стилистической значимости. Большинство данных средств носят узуальный характер и традиционно используются в аналогичных контекстах. Немногочисленные авторские новаторства, как правило, ограничены рамками текста, для которого были созданы, и редко входят в состав общеупотребительного языка. Трагическое как полипрофильная когнитивная структура, единица ментального лексикона «Память», дополнительна к обыденному сознанию, идеологии, культуре, языку, что находит выражение в закрепленных когнитивных образцах, социальных и языковых практиках.

Литература

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Нов. лит. обозрение, 1996.
2. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005.
3. Палкевич О.Я. Языковой портрет феномена иронии (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.

4. Попов В.П., Крайнюченко И.В. Глобальный эволюционизм и синергетика ноосферы. Ростов н/Д. : Изд-во АПСН СКНЦ ВШ, 2003. URL : <http://holism.narod.ru/book1/>.

5. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? URL : <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=244>.

Complementarity as a cognitive sign of the category of the tragic (based on the German and Russian languages)

The tragic as a polyprofile cognitive structure, a unit of the mental lexicon "Memory", along with the comic and absurd, is an element of self-organizing system – paradox. The behaviour of such a system may be described with the help of dynamic unsteady variables – sequence parameters. One of the variable characteristics of the tragic is complementarity (to ordinary consciousness, culture, language), that is expressed in fixed models, social and language practice.

Key words: *the tragic, category, sequence parameter, complementarity, language means.*

П. ЧЕСНОКОВА (Волгоград)

ГЕОРТОНИМЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ

Показаны становление геортонимов, тенденции развития и сферы их влияния в рамках ономастического поля и за его пределами.

Ключевые слова: *ономастика, геортонимы, номинативная модель, псевдогеортонимы, ономасиологический признак, трансонимизация, деонимизация.*

Названия праздников разные авторы относят к различным ономастическим разрядам. В чешской лингвистике их принято включать в хремотонимы (*chrématonyma*) [16, с. 273 – 284; 17, с. 109 – 111; 18, с. 14; 15, с. 18 и др.]. Данный термин используется в качестве гиперонима для объединения названий объектов, явлений, отношений, которые являются результатом человеческой деятельности, но не отражены на картах и планах (Там же). Назва-